ВЧЕРАШНЯЯ ОБИДА.

На другое утро кукольнаго вечера заспанная Лина вышла къ чаю; отецъ, уже совсѣмъ готовый идти на урокъ, допивалъ свой послѣдній стаканъ кофе. «Ну ты, соня, весело ли вчера было?»

— Ахъ, папа, очень, очень весело! какая тамъ была кукла! Никогда такой и на свѣтѣ не бывало!

— Будто? сказалъ отецъ, сомнительно покачивая головой.

— Право, папа, никто такой куклы не видалъ! У нея глазки черненькіе, поворачиваются, какъ настоящіе, и даже совсѣмъ закрываются, точно у насъ; волоски длинные: можно расчесывать, только они не пришиты и не приклеены, а точно сами ростутъ! Лучше этого Лина не умѣла описать искусно сдѣланный паричекъ. Ахъ, папа, какъ она бѣгаетъ! Вотъ такъ: дѣвочка вытянулась, опустила руки и не сгибая колѣнъ на цыпочкахъ побѣжала статуйкой вокругъ комнаты.

Съ любовью глядя на дочь, отецъ едва могъ удержаться отъ смѣху, а Лина, какъ по затверженному уроку, обѣжала два раза комнату и стала передъ отцомъ.

— Что, папа, хорошо?

— Должно быть кукла хорошо бѣгаетъ, отвѣчалъ тотъ.

— Ахъ, чудо что такое, я весь вечеръ ею играла!

— Чья же это кукла? спросила мать, держа на одной рукѣ меньшую свою дочку, а въ другой кастрюлечку съ кашкой.

— Мальхенъ, Мальхенъ! кричала Лина, хватая и цѣлуя въ припрыжку крошечныя ножки сестрицы; Мальхенъ, скажи: Лина. Крошка напыжилась, Лина ждетъ, вотъ, вотъ въ первый разъ сестрица назоветъ ее по имени! Ну, Мальхенъ, ну скажи, умильно просила дѣвочка.

— Папа! закричала малютка и какъ бы сдѣлавъ дѣло, заболтала ножками и запрыгала на колѣняхъ у матери.

— Ну, Линхенъ, чья же была эта кукла? спросила опять мать.

— Сашина, отвѣчала дѣвочка, знаешь, что живутъ въ томъ домѣ съ балкономъ, на нихъ шьетъ Аннушка? Ты еще туда посылала Анну Карловну?

— А, знаю, сказала мать.

— Постой, папочка, не уходи, я тебѣ гостинца привезла.

Въ одну минуту дѣвочка вернулась, и стала развертывать конфеты, которыя слѣпились въ одинъ комокъ.

— Это мнѣ все Мери надавала!

— Ты хочешь сказать Ниночка?

— Нѣтъ, мама, не она, она такая недобрая. Ахъ какая она! и вспомня начало вчерашняго вечера, Лина опять прослезилась. — Она, мама, меня при всѣхъ пристыдила, что на мнѣ старое платье!

— Развѣ это тебѣ стыдно? спокойно спросила мать.

— Она смѣялась, что у меня нѣтъ новой куклы, и всѣ смѣялись надо мной, что я, бѣдная, говорила Лина, всхлипывая.

— Дочка моя, какъ глупо смѣяться надъ бѣдностью, почти также глупо и обижаться тѣмъ, коли назовутъ бѣдною.

Отецъ, остановившійся было въ дверяхъ, но вполнѣ довѣряя женѣ своей, взялъ шапку и пошелъ тяжелымъ трудомъ добывать деньги, для семьи своей.

Вспомня что–то, дѣвочка вдругъ, заплакавъ, бросилась къ матери и, спрятавъ голову въ колѣняхъ ея, горько зарыдала.

— Ну, ну, моя дурочка, что еще припомнила, спрашивала мать, гладя шелковистые волоски Лины; ну какая еще тамъ обида?

— Мама, она тебя назвала нѣмкой.

— Ну такъ что же, развѣ мы съ тобой англичане?

— Нѣтъ, не то; но она, когда ее спрашивали другія дѣвочки, кто я, сказала: ея мать нѣмка, что приходитъ меня учить, но она такъ сказала, мама, какъ будто говорила про горничную, которая приходитъ ее одѣвать! А, а, а, сказали дѣвочки. И Лина опять горько заплакала.

— Ну полно, Линхенъ, перестань — на всѣ дѣтскія глупости ненаобижаешься; и что мудренаго, что лѣнивая дѣвочка такъ отзывается о своей учительницѣ, или что

глупенькая и довольно избалованная, смотритъ на богатство, какъ на свое хорошее качество; и чтобы развлечь дѣвочку, она спросила: кто же тебѣ далъ играть куклой?

— Сама Сашенька, отвѣчала дочь, ей все разсказала Мери, а она отняла у нихъ куклу, и дала ее мнѣ; мы весь вечеръ ею проиграли!

— Добрыя дѣвочки, сказала мать.

— И Аля также добрая, прибавила Лина, она мнѣ разсказала пресмѣшную сказку. Ахъ еще что, мама! Мери сказала, что она за меня непремѣнно побила бы Ниночку, да боится Сережи, старшаго брата своего, онъ ее станетъ дразнить гусыней, что дерется за гусятокъ. Мать засмѣялась. — «И по дѣломъ ей, сказала она: гусынѣ можно драться, защищая гусятокъ, а дѣвочкѣ надо быть поумнѣе гуся, и всякую обиду либо простить, либо позабыть. Такъ сдѣлаетъ теперь и моя добрая дочка. Не правда ли, Линочка?» И ясные, голубые глаза матери съ любовью глядѣлись въ такіе же добрые, но грустные глазки ребенка.

Мать положила руку на плечо дочери и тихо, но положительно сказала: «Всякій разсудительный человѣкъ уважаетъ болѣе людей, которые честно трудятся, чѣмъ тѣхъ, которые ничего не дѣлаютъ, а богаты ли они, бѣдны ли, это все равно; если же кто съ небреженіемъ смотритъ на трудъ, тотъ либо не доросъ, либо не додумался. Моей же дѣвочкѣ слѣдуетъ дорости до того, чтобы чужою глупостью не обижаться». Рѣчь эта окончилась обоюдными поцѣлуями.